

Неизвестно, сколько дней прошло с тех пор, как Юй Чэньинь перестал пытаться скрыть свою скорбь. Стражники, одетые в одинаковые одежды и вооруженные одинаковым оружием, вечно опускали головы, не смея взглянуть на него. В памяти Юй Чэньиня они сливались в одно безликое пятно — слишком много сходства, слишком мало различий. Дошло до абсурда: он не мог вспомнить даже лица того охранника, что когда-то отрезал ему рукав. Он не знал их имен, потому что никогда ими не интересовался, не помнил их лиц, потому что не придавал им значения. А теперь они мертвы, и даже те крохи скорби, что он испытывал, под давлением Куан Шэна казались чем-то показным, фальшивым, лицемерным и жеманным.

Он отказывался от еды, но Куан Шэн кормил его насильно, доводя до полного отчаяния, пока Юй Чэньинь не сдавался. Он не хотел пить, но его поили через силу, обливая с ног до головы, изматывая до предела. К чему все эти мучения?

Он взял чашу и начал есть, ложка за ложкой. Благоразумный человек умеет приспособливаться, и Юй Чэньинь решил больше не сопротивляться.

Куан Шэн, развалившись напротив, с улыбкой наблюдал за ним. Словно рыжая лиса, следящая за пойманной добычей. Он слишком долго ждал этого прекрасного феникса, чтобы съесть его сразу, — ему хотелось кормить его, откармливать, а уж потом вдоволь поиздеваться.

Юй Чэньинь не выдержал этого лисьего притворства, отложил палочки и произнес:

— Твое присутствие портит мне аппетит.

Куан Шэн, подперев голову рукой, улыбнулся:

— Плохой аппетит? Тогда ешь поменьше.

— Больше не хочу.

— Какой капризный. Опять придется кормить тебя с рук.

Юй Чэньинь нахмурился:

— Я сказал, что не хочу, с меня хватит. Давно мы не виделись, а ты стал совсем глухим. Сходи к лекарю, пока не оглох окончательно, а там, глядишь, и ослепнешь.

— Ослепнуть мне никак нельзя. Как же я тогда буду любоваться своей женой?

Юй Чэньинь с грохотом бросил палочки:

— Сколько ты еще собираешься держать меня взаперти?

Куан Шэн не ответил. Длинным пальцем он подцепил палочки со стола, даже не вытер их, взял чашу Юй Чэньиня и принялся доедать оставшуюся еду.

— Как же это мерзко, Куан Шэн. Неужели ты настолько беден, что доедаешь за мной? Жалкое зрелище.

Куан Шэн, чьи глаза светились насмешкой, холодно отозвался:

— Все, кто не был таким мерзким, уже погибли на дорогах, спасаясь бегством. А я жив, так что жалеть стоит не меня. Те, кого стоит жалеть, уже отправились в мир иной.

Он проглотил рис и неспешно добавил:

— Чэньинь, ты, кажется, забыл, что сейчас ты — мой пленник. Высокомерие — не лучшее качество для гэ-эра.

Юй Чэньинь вскочил, отшвырнув табурет:

— Сколько еще ты будешь держать меня здесь?

— Всего несколько дней, а ты уже так вспыльчив. Нехорошо, совсем плохо. Отдохни еще немного. Когда успокоишься, тогда и поговорим.

Тон Юй Чэньиня стал мягче, в голосе послышалась усталость:

— Чего ты хочешь? Мести? Вернуть былое величие? Или золота и власти?

Куан Шэн промолчал, продолжая есть. Здешняя еда, конечно, не шла ни в какое сравнение с прежней, но он знал, что такое настоящий голод, поэтому теперь не привередничал. Лишь этот маленький феникс оставался изнеженным и капризным, видимо, у Вэй-хоу ему жилось неплохо. Что ж, хорошо. Если бы он страдал, то только плакал бы, а смотреть на это Куан Шэну не хотелось. Он был извращенцем — ему нравилась именно эта спесивая холодность маленького феникса.

— Что мне сделать, чтобы ты отпустил меня? Я ненавижу это место. Тесная комната, узкое окно и ты, приходящий каждый день, чтобы поиздеваться. Куан Шэн, ты хочешь приручить меня или свести в могилу?

— Говорю же, капризный, а ты не признаешь.

Разговор был бессмысленным, у Юй Чэньиня закружилась голова:

— Ты... ты...

— Ладно, ладно, скоро переведу тебя в комнату побольше.

Куан Шэн доел, отложил чашу и оглядел Юй Чэньиня:

— Посмотри на себя, весь испачкался. Помойся, а то ночью спать будет неудобно.

Юй Чэньинь посмотрел на свои одежды — они действительно были грязными, кое-где даже порвались. Он вспыхнул от стыда и злости:

— Это все твоих рук дело.

Куан Шэн не только не смутился, но, казалось, даже гордился этим:

— Не стоит благодарности.

Юй Чэньинь в отчаянии опустился на кровать. Он не понимал, как вести диалог с таким человеком. Злился ли он, язвил ли — собеседник будто ничего не слышал, продолжая улыбаться и нести всякую чепуху.

— Что, устал?

Юй Чэньинь не ответил. Сняв обувь, он забрался на кровать и повернулся к Куан Шэну спиной, показывая, что не желает продолжать разговор.

— Похоже, не устал. Сытое брюхо к веселью тянет, приглашаешь мужа в постель?

— Бесстыдник! — Юй Чэньинь сел, гнев, копившийся все эти дни, выплеснулся наружу. Он больше не мог терпеть, схватил сапог и запустил им в Куан Шэна.

Куан Шэн поймал сапог на лету, обошел стол и подошел к кровати.

— Что ты задумал? — Юй Чэньинь отпрянул, но тут же заставил себя выпрямиться, не желая казаться слабым.

Куан Шэн обхватил его за лодыжки и, не дав Юй Чэньиню брыкнуться, стащил с кровати. Юй Чэньинь рухнул на пол, рассыпав волосы по плечам.

Куан Шэн медленно погладил три крошечные родинки, выстроившиеся в ряд на лодыжке Юй Чэньиня, и насмешливо произнес:

— Теперь, когда я увидел твои лодыжки, что же делать? Видимо, придется тебе выйти за меня.

В мирные времена лишь законный супруг мог видеть лодыжки гэ-эра. Юй Чэньинь, чувствуя боль от падения, приподнялся на локтях и холодно бросил:

— Отпусти меня.

Куан Шэн отбросил сапог, притянул Юй Чэньиня к себе и прижал, не давая сопротивляться:

— Что же делать, я вдруг передумал быть с тобой ласковым. Маленький феникс, который никак не хочет приручаться... Может, стоит тебя проучить, а, А-Инь?

Куан Шэн, погладив покрасневшую от захвата лодыжку, перевел руку на шею и слегка сжал:

— Иногда мне хочется убить тебя. Когда ты молчишь, ты гораздо послушнее. Сначала убью тебя, потом твою мать, а в конце и сам присоединюсь. В мире мертвых встретимся с отцом, и наша семья будет в полном сборе.

Юй Чэньинь не смог вырваться и перестал бороться, лишь холодно усмехнулся:

— Безумец.

Куан Шэн поднял руку выше, сжал его щеки, заставляя смотреть прямо в глаза:

— Если бы я был по-настоящему безумен, А-Инь, тебе пришлось бы несладко. Ради твоего же блага мне лучше оставаться в здравом уме.

Куан Шэн тихо рассмеялся, отпустил его, поднял сапог и надел на него:

— Идем, я обещал сменить тебе комнату.

Юй Чэньинь встал на ноги, холодно развернулся и замер. Куан Шэн подошел сзади, обнял его за тонкую талию и прошептал:

— Что, я сделал тебе больно, когда сжимал шею?

Юй Чэньинь промолчал. Рука Куан Шэна поднялась, мягко погладив его правую щеку — кожа была прохладной и нежной, как родниковая вода.

— Не хочешь идти? Тогда устроим брачную ночь прямо здесь.

Юй Чэньинь отвернулся:

— Отойди.

Куан Шэн послушно отступил. Юй Чэньинь сделал два шага вперед, резко обернулся и, окинув его холодным взглядом, замахнулся для пощечины. Куан Шэн легко перехватил его запястье:

— Чэньинь, не пытайся проверить мое терпение.

Он поднес его руку к губам, улыбнулся и вдруг укусил.

Юй Чэньинь не ожидал этого. От острой боли он невольно вскрикнул, но тут же прикусил губу, чтобы не издать ни звука. Жгучая боль разливалась по коже, смешиваясь с ощущением странного онемения. Юй Чэньинь понял, что Куан Шэн перешел от укусов к двусмысленным облизываниям и легким покусываниям. Не в силах больше терпеть, он схватил со стола чашу и швырнул в него.

Куан Шэн резко отпрянул вправо, едва избежав удара. Вытерев слюну с губ, он рассмеялся:

— Уже не выдерживаешь? Какой же ты неженка.

Чаша разбилась о пол. Куан Шэн, ничуть не рассердившись, взял руку Юй Чэньиня, вытер остатки своей слюны и, увидев на коже четкие следы зубов, нежно поцеловал их:

— Бедняжка, такой слабый, как ты собираешься жить без чьей-то помощи?

— Мне не нужно, чтобы ты совал свой нос в мои дела!

— А-Инь вовсе не мышонок. Ты — маленький феникс со сломанными крыльями, который вынужден едва ковылять на своих слабых ножках. Подует ветер — ты упадешь, пойдет дождь — и ты уже плачешь. Жалкое зрелище. Маленький феникс без защиты, ты ведь, кроме того, что красивее мокрой курицы, ни на что не годишься.

— В любом случае, я лучше, чем ты — бездомная псина.

— Мы с тобой — два сапога пара, созданы друг для друга. Это судьба!

Юй Чэньинь уже устал спорить. Бесстыдство, бесстыдство и еще раз бесстыдство — говорить было не о чем.

Следуя за Куан Шэном, Юй Чэньинь огляделся: вокруг высились горы, вдали виднелась река. Крепость Паньва — название полностью оправдывало себя. Окруженная горами, расположенная в низине, она была неприступна. На сердце у Юй Чэньиня стало тяжело.

Встречные жители крепости во все глаза глазели на него. Куан Шэн достал шелковый платок, подтянул Юй Чэньиня к себе и повязал ему на лицо.

— Что ты делаешь?

— Солнце печет.

— ... — Юй Чэньинь поднял голову. Небо было затянуто облаками, солнце едва пробивалось сквозь них, совсем не грея.

Куан Шэн, поправив платок, сквозь ткань посмотрел в его затуманенные глаза и глухо рассмеялся:

— Ну и дурачок.

Юй Чэньинь нахмурился:

— Это ты дурак.

— Ладно, ладно, я дурак, а ты — моя глупая женушка.

Юй Чэньинь промолчал. Под чужой крышей приходится склонять голову. Он будет терпеть.

<http://bllate.org/book/18606/1791634>